

ПОЛИТОЛОГИЯ

В. Н. СЕМЕНОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ*

В статье охарактеризована классификация политических идеологий по идейно-политическому спектру, раскрыты недостатки данного подхода применительно к нетрадиционным гибридным и альтернативным идеологиям. Динамика трансформации политических идеологий рассмотрена с учетом перехода от позднего модерна к постмодерну в последней трети XX в. Проанализированы координаты постмодерна в политической сфере, раскрыты характеристики постмодерна применительно к политическому контексту. Выявлены и раскрыты закономерности динамики политических идеологий в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: политические идеологии; модерн; поздний модерн; постмодерн; гибридные идеологии.

УДК 32.01

Введение. Цель статьи — раскрыть специфику трансформации политических идеологий сквозь призму перехода от позднего модерна к постмодерну. Традиционные идеологии в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну массово теряют своих приверженцев, фактически прекращая свое аутентичное существование, и под влиянием внешних социально-экономических и политических факторов трансформируются в гибридные идеологии с явным сдвигом в политический радикализм. В процессе перехода наблюдается трансформация традиционных идеологий в неклассические гибридные, основными характеристиками которых становятся метафизическая «левизна», гибридность и диффузный характер идей, поверхностность идейных платформ и политических программ, акцент на социально-политическую практику.

Классификация политических идеологий по идейно-политическому спектру предполагает расположение всех имеющихся идеологий на воображаемой

Владислава Николаевна СЕМЕНОВА (vl.semenova@gmail.com), кандидат философских наук, доцент кафедры социальной политики и идеологии Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

*Статья выполнена при поддержке гранта БРФФИ в рамках темы «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (№ Г18Р-211 от 30. 05. 2018 г.).

линии спектрального противостояния, крайними точками которой являются «крайне левые» и «крайне правые» идеологии. Являясь эвристичной на этапе формирования традиционных политических идеологий в конце XVIII в. и на протяжении XIX в., данная классификация потеряла актуальность уже в первой половине XX в. с появлением нетрадиционных политических идеологий, включающих в свои идейные платформы принципы «левых» и «правых» идейных течений (к таковым можно отнести и национал-большевизм, и национал-социализм, и неоконсерватизм, и анархо-капитализм). Под влиянием сформировавшегося во второй половине XIX в. общецивилизационного западного либерального фундамента даже «правые» политические идеологии вынуждены были включить в свои идейно-политические платформы «левые» либеральные или социалистические принципы. Недостатками данной классификации являются следующие: во-первых, она не объясняет динамику возникновения и трансформации традиционных политических идеологий в современные нетрадиционные идеологии, во-вторых, на ее воображаемой линии очень сложно разместить современные гибридные и так называемые альтернативные идеологии, которые возникают на этапе перехода от позднего модерна к постмодерну.

Премодерн, включающий в себя архаику и Традицию, позволяет более точно определить время формирования модерна. Премодерн завершается по разным оценкам в позднем Средневековье или Проторенессансе в XIII — XIV вв.; в эпоху высокого Возрождения (конец XV — первые 20 лет XVI в.); окончательное завершение премодерна происходит в Новое время (XVI — XVII вв.).

Модерн (модернити, современность) формируется в духовной и культурной сферах в эпоху Нового времени, в политической сфере началом являются «славная революция» в Англии (1640) и Великая французская буржуазная революция (1789); завершается эпоха модерна по разным оценкам во второй половине — последней трети XX в.

В рамках данного исследования автор не обращается к дискуссиям о времени возникновения самого постмодерна (постсовременности) и постмодернизма как его философского и культурного осмысления. Данные дискуссии представлены в работах Ж.-Ф. Лиотара, Ф. Джеймисона, П. Андерсона, Т. Адорно, Ю. Хабермаса, З. Баумана, У. Бека, Ж. Аттали и др. В политической сфере возникновение постмодерна связывается иногда с идеологией «новых левых» и протестными выступлениями второй половины 60-х гг. XX в., а также с их разнообразными последствиями 70-х гг. XX в. (например, «свинцовые семидесятые», «немецкая осень» 1977, и в целом левый и правый радикализм 60—70-х) или с 90-ми гг. XX в., распадом социалистической системы и СССР. Для республик бывшего СССР, которые на протяжении 90-х гг. XX в. и первой половины 2000 г. были заняты решением практических политических и экономических задач (выживанием во всех смыслах этого слова) и до сих пор не могут выйти из своеобразного посттравматического состояния, переход к обществу постмодерна, теоретическое осмысление этого перехода и его последствий оказалось отложенным и болезненным.

Предложенная периодизация уточняет использовавшиеся ранее марксистскую теорию общественно-экономических формаций и концепцию постиндустриального общества. В марксистской философии премодерну соответствуют стадии рабовладельческого и феодального общества; модерну — капиталистическое общество и возможно постмодерну — коммунистическое общество.

Теории постиндустриального общества (Э. Тоффлер, Д. Бэлл, Дж. Гэлбрейт) выделяют доиндустриальное (традиционное, аграрное) общество (до XVI—XVII вв.), индустриальное общество (его формирование приходится

на Новое время XVI—XVII вв., завершается серединой XX в.) и постиндустриальное общество (со второй половины XX в.). Напрашивается соответствие: премодерн — доиндустриальный; модерн — индустриальный; постмодерн — постиндустриальный и информационный типы общества.

Наибольший интерес представляет переход от эпохи модерна к постмодерну, обстоятельства «поздней современности», приведшие к окончательному исчерпанию модерна. Британский социолог Э. Гидденс в работах 90-х гг. XX в. выделяет период позднего (высокого) модерна, связанного с радикализацией модерна. Чертами радикального модерна становятся крах эволюционизма, исчезновение исторической телеологии, признание радикальной, конститутивной рефлексивности, разрушение западнцентризма [1]. Идея разделения внутри самого модерна «раннего» и «позднего» присутствует в работах Ю. Хабермаса, У. Бека, З. Баумана, российских политических мыслителей А. С. Панарина, А. Г. Дугина. У Ю. Хабермаса модерн оказывается пролонгированным и превращается фактически не только в поздний модерн, но и в «поздний поздний» модерн. Хотя Хабермас признает, что «возникают мотивы для сомнений и отчаяния по поводу проекта модерна» [2, с. 16], это не означает, что необходимо провозглашать постмодерн или возврат к премодерну. Модерн воспринимается как еще жизнеспособный «незавершенный проект». А. С. Панарин анализирует исчерпание модерна и парадигмы Просвещения: «Модерну предстоит либо подтвердить в новых условиях свой универсальный характер, действительно доступный для всех народов земли, либо быть похороненным под волнами нового варварства и борьбы всех против всех» [3, с. 13]. Противостоит модерну новый расизм глобализма, использующий потенциал модернизации для установления неорархаики. В курсе лекций «Философия постмодерна» А. Г. Дугин выделяет «экстенсивный» модерн (XVI—XVIII вв.), который распространяет свое влияние вширь и занимается внешней экспансией, и «интенсивный» модерн (XIX—XX вв.), уходящий в глубинную рефлексию над собственными основаниями, видящий свои неудачи [4]. Лагерь «постмодернистов» представлен не только традиционными теоретиками постмодерна Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Делезом, Ф. Гваттари, Ф. Джеймисоном, но и У. Бекком, Ж. Аттали, З. Бауманом. Последний рассматривает «жидкое состояние», «общество текучей современности» как совершенно новый этап в истории современности [5, с. 30].

Обращаясь к переходу от позднего модерна к постмодерну, в фокусе оказывается временной интервал с середины 60-х до середины 90-х гг. XX в. Именно в последней трети XX в. произошли радикальные сдвиги во всех общественных сферах, приведшие к формированию не только нового типа общества и человека, но и новой научной и культурной парадигмы.

Постмодерн представляет собой культурное и социальное поле, заданное тремя историческими координатами.

Исчезновение традиционных социальных слоев: аристократии и традиционной фордистской буржуазии, следствием которого является исчезновение классических политических идеологий, выражавших интересы данных социальных групп. К концу Второй мировой войны аристократическая традиция и выражавшая ее интересы классическая консервативная идеология (а также младоконсервативная романтическая теория в лице О. Шпенглера, А. Меллера ван ден Брука, О. Шпанна, Э. Юнгера) утратили свою власть и влияние в Европе. Оппонент и противник консерватизма либерализм как выражение интересов буржуазии все еще сохранял свою целостность в силу того, что «буржуазия является социальной силой, обладающей особым чувством коллективной идентичности, характерными моральными кодами и культурными габитусами» [6, с. 108]. Российский исследователь А. А. Трунов отмечает, что

«либерализм как главная и наиболее репрезентативная идеология модерна в более или менее цельном и конструктивном виде просуществовал примерно до 1968 г.» [7, с. 238]. Однако сегодня эта буржуазия идеология пусть не кровно, но духовно связанная с традиционной аристократией, также практически исчезла и олицетворяет собой вчерашний день.

Эволюция техники, а точнее революция техники: технологические прорывы после Второй мировой войны, прежде всего телевидение и в особенности цветное телевидение, которое представляет «машинерию образов».

Политические изменения эпохи, связанные с опытом поражения революционных движений конца 60-х — начала 70-х гг., наступлением правых (Р. Рэйган, М. Тэтчер) в 80-х гг. XX в. Все это привело к трансформации идей внутри самой социал-демократии. Ситуация конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. может быть описана следующим образом: «К концу десятилетия Социалистический Интернационал в общем и целом отказался от послевоенной миссии социал-демократии — от государства всеобщего благосостояния, основанного на полной занятости и полном обеспечении. В Восточной Европе и СССР коммунизм, не способный конкурировать экономически за рубежом и демократизироваться политически у себя дома, был полностью ликвидирован» [6, с. 115].

Эпоха постмодерна знаменуется всемирным триумфом капитализма и исчезновением его политической альтернативы: «Модерн подошел к концу... когда был утрачен последний антоним. Возможность иного социального порядка была существенным горизонтом модерна. Когда ее не стало, наступило нечто вроде постмодерна» [6, с. 116].

При объединении трех обозначенных характеристик этой новой эпохи выстраивается система координат постмодерна: «постмодерн происходит из соединения деклассированного социального порядка, медиатизированной технологии и монотонной политики» [6, с. 116].

Характерными чертами постмодерна, проникающими в политическую сферу, становятся диффузность, фрагментарность, умеренность, постклассовость: «Вселенная постмодерна — это вселенная не ограничений, а смещения, где приветствуются скрещивания, гибриды, попури» [6, с. 117].

Одной из важнейших особенностей постмодерна является размывание четких границ между науками, жанрами и направлениями литературы и искусства: «...некогда четко отделенные друг от друга дисциплины — история искусств, литературная критика, социология, политология, история — стали утрачивать свои ясные границы, скрещиваясь между собой в гибридные, междисциплинарные исследования, которые теперь нелегко было отнести к той или иной области... Постмодерн подразумевал как раз то, что исключали великие теоретики модернизации, — немислимую дедифференциацию культурных сфер» [6, с. 81–82].

Для постмодерна характерно отсутствие целостности, когда реальность рассматривается по частям и, как следствие, создание псевдомировов. Кажутся безнадежно устаревшими все строгие, стройные и логически непротиворечивые идейные системы. Манифесты конечно остаются (и даже пишутся новые), но это скорее рудиментарные формы, используемые в переходное время, просто за неимением пока ничего лучшего.

Для политической сферы характерно постепенное исчезновение всех традиционных социальных групп: «...уход в небытие аристократии, исчезновение буржуазии, эрозия идентичности и уверенности рабочего класса» [6, с. 129]. Одновременно происходит эрозия и традиционных политических идеологий — консерватизма, либерализма и социализма — которые пытаются удержать свои политические позиции, начинают стремительно мутировать и гибридизировать-

ся, включая в свои системы ранее чуждые идеи, достигая ранее невозможных политических консенсусов. На смену старым идентичностям приходят новые: пол, раса, экология, гендер, региональные и континентальные различия. В результате разрушения старого индустриального уклада и исчезновения старой стабильной классовой структуры «...умножаются сегментированные идентичности локализованных групп, сформированных на базе этнических и половых различий» [6, с. 82]. Эти новые группы пока еще окончательно не сложившиеся создают новые идеологические проекты, призванные сформировать в их рядах единство и солидарность. Так рождаются этнонационалистические и феминистские идеологии, когда «вирус национализма» (А. Тойнби) поражает даже самые небольшие и нежизнеспособные этнические группы.

Британский троцкист А. Калинин полагает, что постмодерн «...должен рассматриваться как продукт политического поражения радикального поколения конца 60-х. Когда революционные надежды не оправдались, эта когорта нашла утешение в циничном гедонизме, который приобрел лавинообразный характер в буме сверхпотребления 80-х годов» [6, с. 104]. Модерн был гораздо более радикален, чем постмодерн. «Общество спектакля» постмодерна, построенное на принципе перформанса, постмодернистская индустрия культуры и социальной жизни, несмотря на внешнюю эпатажность, очень умеренно и деловито в своих основаниях: «В постмодерне «умеренность» неизбежно доминирует над «ультростостью» [6, с. 131].

Широкое распространение принципов постмодерна в современной гуманитарной науке и культуре затронуло теорию идеологии и политическую сферу. Следствием постмодернистского убеждения в смерти мета-нарративов стало распространение идей о кризисе идеологий как политического феномена (например, «смерть идеологии» в обновленных версиях теории постиндустриального общества (даже в 60-х XX в. у Д. Белла), а также в работе Ф. Фукуямы «Конец истории?»), об исчезновении глобальных политических идеологий как универсальных проектов общественного переустройства и приходе на их место локализованных «молекулярных» идеологий [8, с. 107] и новых социальных движений.

Заключение. Таким образом, в современной теории идеологии и политическом поле можно выделить следующие закономерности динамики политических идеологий при переходе от позднего модерна к постмодерну.

Первой особенностью является нахождение и развитие всех политических идеологий европейского происхождения в либеральном контексте. Западная цивилизация начиная с Нового времени и Просвещения и по настоящее время существует и развивается в либеральную эпоху. Этот либеральный просвещенческий контекст вынуждены учитывать и приспосабливаться к нему все политические идеологии современности. Так, «...консервативной идеологии крайне затруднительно противостоять прогрессистским идеям. По итогам бурных событий XX в. консерваторы сами признали парадигму социального прогресса и теперь как минимум вынуждены мириться с «вытекающими последствиями». Консерватизм как идеология был в буквальном смысле приватизирован многочисленными группами интересов и оказался перед жестким выбором: подчиниться мейнстриму, приняв прежде неприемлемые формы социальных взаимоотношений в качестве нормы, или, сохранив самость, сместиться в маргинальную часть политического спектра» [8, с. 103]. Современные политические идеологии по сравнению с их идейными прототипами XIX и XX вв. существенно полевели. Можно вести речь о их своеобразной априорной метафизической «левизне» в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну.

Второй особенностью современных политических идеологий является их неизбежное постоянное смещение «влево» в результате демократизации и эмансипации политической и социальной сферы: на смену классическому либерализму приходят еще более левые коммунизм и анархизм, а социал-демократия сменяется идеологией «новых левых». Однако «после событий субкультурной революции 1968 г. началась необратимая мутация либерализма, который начал стремительно избавляться от своего гуманистического содержания, вырождаясь в либертарианство, пропаганду сексуальных перверсий, а также в идейное обоснование неограниченного господства глобального капитала и элитных меньшинств [7, с. 238]. Другими словами, идеологии в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну не только оформляются и развиваются в левом политическом контексте, но и сами обременены грузом левой повестки. Модными идеологическими трендами становятся «левацкие» киберанархизм, радикальный феминизм, экологизм, антиглобализм в своих неоанархистских проявлениях. Логика развития политических идеологий заставляет их «леветь», постоянно смещаться в левую часть идейно-политического спектра.

Третьей особенностью современных идеологий является их гибридный характер, что фактически устраняет традиционное разделение на «левых» и «правых». В условиях всеобщего «полевения» политического спектра так называемые правые теряют свою четкую идейную идентичность, выступая синонимом сил, просто представляющих государственную власть. В этом смысле правый сегодня — это тот, кто находится у власти (вне зависимости от его реальной идеологической ориентации), стоит на защите государственных структур и институтов. Реальные идейно-политические ориентации формальных правых могут варьироваться от левых коммунистических до центристских или даже крайне националистических, т. е. правыми сегодня все чаще объявляются не идейные консерваторы и их наследники, а все те, кто представляют государство (отсюда известное противопоставление «государственники-правые» contra «либералы-левые»).

Четвертой особенностью идеологий при переходе от позднего модерна к постмодерну становится исчезновение из их программ так называемых больших идей (*big ideas*), что стало следствием кризиса и распада мета-нарративов. Данное обстоятельство привело одновременно к обеднению и упрощению идейно-теоретических платформ политических идеологий и конкретных политических программ партий и социальных движений; их сознательной ориентации на технические темы и упрощенного массового потребителя. Не способствует глубокому и основательному осмыслению идейных платформ и политических программ современных идеологий и «...смеховизация политики» (ироничный контекст современных протестных движений) и виртуализация политической теории и практики (вынужденная учитывать специфику массового восприятия, в частности «клиповое мышление»): «...мы наблюдаем процесс виртуализации идеологии, в ходе которого происходит определенная трансформация ее смыслового содержания... в обществах постмодерна идеология не исчезает, а играет вполне определенную роль, связанную с наполнением публичного дискурса цитатами из политических текстов модерна, адаптированных для решения актуальных прагматических задач и реализации модных PR-проектов» [7, с. 239]. Переход от позднего модерна к постмодерну является своеобразным рубиконом для политических идеологий.

В последней трети XX — начале XXI в. происходит окончательный разрыв современных нетрадиционных гибридных идеологий со своими классическими предшественниками, результатом которого выступило становление постмодерна в политической сфере.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Гидденс, Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М. : Academia, 1999. — С. 101–123.
Giddens, E. Posledstviya moderniti [The Consequences of Modernity] / E. Giddens // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya. — M. : Academia, 1999. — P. 101–123.
2. Хабермас, Ю. Модерн — незавершенный проект / Ю. Хабермас // Политические работы : сб. ст. — М. : Праксис, 2005. — 362 с.
Khabermas, Yu. Modern — nezavershennyi proekt [Modern — the Unfinished Project] / Yu. Khabermas // Politicheskie raboty : sb. st. — M. : Praksis, 2005. — 362 p.
3. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — М. : Эксмо, 2003. — 416 с.
Panarin, A. S. Iskushenie globalizmom [The Temptation of Globalism] / A. S. Panarin. — M. : Eksmo, 2003. — 416 p.
4. Дугин, А. Г. Философия постмодерна. Лекция 7. Феноменология: подрыв субъекта [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин. — Режим доступа: <http://dugin.ru/video/filosofiya-postmoderna-lekciya-7-fenomenologiya-podryv-subekta>. — Дата доступа: 21.12.2019.
Dugin, A. G. Filosofiya postmoderna. Leksiya 7. Fenomenologiya: podryv sub"ekta [The Philosophy of Postmodernity. Lecture 7. Phenomenology: the Undermining of the Subject] [Elektronnyy resurs] / A. G. Dugin. — Rezhim dostupa: <http://dugin.ru/video/filosofiya-postmoderna-lekciya-7-fenomenologiya-podryv-subekta>. — Data dostupa: 21.12.2019.
5. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. — СПб. : Питер, 2008. — 240 с.
Bauman, Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity] / Z. Bauman. — SPb. : Piter, 2008. — 240 p.
6. Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон. — М. : Территория будущего, 2011. — 208 с.
Anderson, P. Istoki postmoderna [The Origins of Postmodernity] / P. Anderson. — M. : Territoriya budushchego, 2011. — 208 p.
7. Трунов, А. А. Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ / А. А. Трунов // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. — 2019. — № 44 (2). — С. 234–243.
Trunov, A. A. Ideologiya v obshchestvakh moderna i postmoderna: sravnitel'nyy analiz [Ideology in the societies of modernity and postmodernity: a comparative analysis] / A. A. Trunov // Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. — 2019. — N 44 (2). — P. 234–243.
8. Каменская, Г. В. Политические идеологии в современном мире: кризис или очередной этап эволюции? / Г. В. Каменская, Э. Г. Соловьев, А. Н. Смирнов // Власть. — 2015. — № 12. — С. 101–108.
Kamenskaya, G. V. Politicheskie ideologii v sovremennom mire: krizis ili ocherednoy etap evolyutsii? [Political ideologies in the modern world: crisis or the next stage of evolution?] / G. V. Kamenskaya, E. G. Solov'ev, A. N. Smirnov // Vlast'. — 2015. — N 12. — P. 101–108.

VLADISLAVA SEMENOVA

POLITICAL IDEOLOGIES IN THE AGE OF TRANSITION FROM LATE MODERNITY TO POSTMODERNITY

Author affiliation. *Vladislava SEMENOVA (vl.semenova@gmail.com), Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article characterizes the classification of political ideologies according to the ideological and political spectrum; the shortcomings of this approach are revealed with regard to the non-traditional hybrid and alternative ideologies. The transformation

dynamics of political ideologies is considered taking into account the transition from late modernity to postmodernity in the last third of the twentieth century. The author analyzes the coordinates of postmodernity in the political sphere and reveals the characteristics of postmodernity in the political context. The patterns in the dynamics of political ideologies in the age of postmodernity are disclosed.

Keywords: political ideologies; modernity; late modernity; postmodernity; hybrid ideologies.

UDC 32.01

*Статья поступила
в редакцию 28.02. 2020 г.*

В. В. САЕВИЧ

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье показано, что белорусское государство является молодым образованием, прошедшим свой путь становления за относительно короткий период. Для современного белорусского государства характерно создание собственной системы социально-экономического развития, которая включает в себя достижения и наработки как европейского, так и евразийского опыта. Отмечена многовекторность внешней и внутренней политики современной Беларуси. Качественно новый вектор внешнеполитического совершенствования современной Беларуси был обусловлен обретением независимости. Большое значение для развития белорусского государства имеет политическая культура, которая способствует формированию гражданского общества и его институтов. От успешного функционирования государства зависит развитие политических и социальных структур общества.

Ключевые слова: современное белорусское государство; социально-экономическое развитие; внешняя и внутренняя политика; независимость; политическая и правовая культура; социальные структуры; динамика исторического развития.

УДК 321(476)

Основным институтом политической системы является государство: «Государство — концентрированное воплощение идеи политического. Это относительно самостоятельная подсистема публичной власти и управления обществом, включающая совокупность иерархически взаимосвязанных и взаимодополняющих институтов, структур. Именно вокруг государства группируются остальные политические институты, борьба между различными социально-политическими силами разворачивается прежде всего за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления. Государство по своему существу призвано обеспечить целостность и единство институтов и агентств, выполняющих разнообразные функции управления» [1, с. 155]. От успешного функционирования государства

Виктор Валентинович САЕВИЧ (saevitch@yandex.ru), соискатель кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).